

Н.А. Ковалевская.

Из жизни Алупки рубежа веков.

Прогуливаясь по пустынным, притихшим в ожидании летнего сезона улицам города, ностальгически представляется Алупка конца прошлого века, шумная и деятельная, разноцветная и многоголосая. Обращаясь при составлении ее портрета к архивным материалам, литературным источникам и просто воспоминаниям, не стоит игнорировать малоисследованную сферу устных преданий, передававшихся по наследству от поколения к поколению. Народная память сохраняла забавные эпизоды, давала меткие характеристики видным дачевладельцам. Используя в своем рассказе эти данные, постараемся представить портрет "жемчужины Южнобережья" более выпуклым и колоритным.

Отдаленная на 16 верст от Ялты и на 16 минут от пулковского времяисчисления, Алупка рубежа веков привлекала многих по различным причинам. Одной из них являлся построенный по распоряжению М.С. Воронцова роскошный дворец в окружении не менее роскошного парка. Дворец был камертоном хорошего вкуса в архитектуре. Но другой, более печальной, причиной популярности Алупки стал ее климат. Ученые обратили внимание на здешнюю долину, и она оказалась самой теплой на побережье. Климат напоминал курортные местности Сан-Ремо и Ниццы, и поэтому селение объявили климатической станцией. Каждая эпоха имеет свой недуг: в XIX веке таким бичом являлся туберкулез, равно не щадивший ни аристократию, ни интеллигенцию, ни простой люд. По железным магистралям, самым дешевым и комфортабельным в мире, ринулись страждущие и болящие на юг, к морю и целебному винограду. В отличие от соседнего Симеиза, где предпочитала селиться техническая интеллигенция, Алупку местом пребывания выбирали лица свободных профессий, особенно врачи. В предреволюционные годы на территории селения функционировали несколько санаториев: под августейшим покровительством великой княгини Ксении Александровны детский санаторий имени основателя - профессора А.А. Боброва, а также Пермского земства и Духовного ведомства частный противотуберкулезный санаторий Д.А. Гохбаума и дача врача Энатской, где лечили больных студентов.

Статистические сводки сухо фиксировали как постоянных жителей, число которых приближалось к тысяче, так и приезжую публику: к концу XIX века она составляла пять тысяч человек. Многие желали здесь остаться подольше, до полного излечения, или открыть свой пансион. Ленные землевладельцы Алупки братья Трубецкие и внучка Воронцова Е.А. Воронцова-Дашкова, поделив угоды на участки, сдавали их на правах длительной аренды или продавали. Число дач в Алупке возросло к концу века до 200. Расширялась инфраструктура селения, обозначенная еще при первом владельце. На северных окраинах Алупки компактно селились представители разных народов, поэтому слободки именовались: Греческая, Русская, Татарская. В этих районах функционировали школы, но для получения полного гимназического курса их выпускники сдавали экстерном экзамены в Ялте. Своя гимназия в Алупке появилась поздно: незадолго до революции. Почти тогда же население познакомилось с достижениями технического прогресса: электричеством, водопроводом, канализацией и автомобильным сообщением. Представители различных национальностей традиционно работали в сфере услуг. Из Центральной России прибывали сезонные рабочие, низавшие в "Пампушках" табак, они же занимались раскорчевкой земли под виноградники, женщины работали горничными. Греки славились мастерством обработки местного камня, являлись владельцами кофеен, кондитерских, пекарен, имели магазины. В Алупке пользовались уважением многочисленные семьи Попандопуло и Кордамилиди. Татары занимались виноградарством и табаководством, служили проводниками, комиссионерами, торговцами. Хороший повар способствовал популярности пансиона или ресторана. История сохранила имя татарина Мемета, распорядителя кухни Шарлотты Громаковой, первой открывшей свое дело в Алупке. Пансион через 25 лет закрылся, но похвалы кухне Мемета в рекламных проспектах продолжали печатать. Перед революцией он открыл свой пансион в приморской части Симеиза Ай-Панде. На центральную площадь селения выходили конторы и магазины видных жителей: Бекир Сефершаев был королем извоза - владел мальпостом, перевозившим пассажиров и почту, и являлся совладельцем купален. Абибула Касимов, чьи предки верой и правдой служили Воронцову, разместил в своем доме почтово-телеграфную службу, а также обессмертил свою фамилию в названии западной окраины Верхней Алупки. Но, пожалуй, самым влиятельным из татар считался Телепчи, владелец нескольких домов и гостиницы "Дюльбер," расположенной на главной магистрали селения - Воронцовской улице. Глава семейства входил в попечительский совет санатория А.А. Боброва, последним браком был женат на генеральской дочери Елизавете Федоровне Шидловской. Его супруга опекала церковно-приходскую школу, взяла на себя расходы по остеклению алтарной части храма Архангела Михаила. Болея туберкулезом, умерла в 1914 году. Безутешный вдовец похоронил ее на вершине собственного виноградника, установил на могиле массивный памятник розового мрамора и составил документ, на основании которого часть земли отдавалась под православное кладбище, названное Елизаветинским. По документам звали Телепчи Борисом Александровичем, так как принял православие. К слову сказать, в начале века в православие переходили представители разных народов: выкрестами называли фармацевта Красносельского и профессора Гохбаума.

Наилучшими садоводами называли караимов. Возможно, что именно они возделывали сад великого князя Георгия Михайловича. Расположенный в предгорной части Алупки на пяти десятинах земли, он был

тщательно спланирован и эффектно оформлен: дорожки, посыпанные кварцем, блестели на солнце, деревья располагались террасами. Опытным путем была выявлена еще одна особенность здешних мест: в Алушке из фруктовых деревьев наиболее высокий урожай давали груши. В Алушке специализировались на поздних сортах. Груши из сада великого князя поступали в магазины купцов Елисеевых, поставщиков двора Его Императорского Величества. Клеймо на продукции ставило солнце.

Дело в том, что на каждый плод надевался бумажный футляр с вырезанным двуглавым орлом. За время созревания груши клеймо становилось красным.

Проживали в Алушке когда-то итальянцы, ведь порт Лупико являлся собственностью геновской республики. До революции здесь была кондитерская Витали, расположенная под одной крышей с писчебумажной лавкой Левичинского, служившей интеллектуальным центром Алушки. Известным краснодеревщиком являлся мастер Вергалио.

Выходцами из Франции были семейства виноделов Боржо и владельцев магазина колониальных товаров и второй по значению в Алушке гостиницы "Франция" Россе.

Незадолго до революции обосновались здесь бароны Бодэ и Ганы, Мантейфели и Клейгельс. Отметим еще одну особенность Алушки: градоначальник Санкт-Петербурга Николай Васильевич Клейгельс, приближенное лицо государя императора Николая II, был неистово ненавидим студенчеством за жестокость и презираем в высших эшелонах власти как в прошлом вор и барышник, являлся сторонником жесткой политической системы. Недалеко от особняка Ган, где проживала его вдова, после февральской революции под домашним арестом по приказу Керенского на своей алушкинской даче томился деятельный политик начала века Павел Рябушинский, также ратовавший за крепкий кулак власти. Дача его в Алушке давно уничтожена, а вот афоризм о "костлявой руке голода", пущенный отсюда, остался в памяти народной. Из вышесказанного следует, что западные пределы Алушки заселяли жесткие политики. Зато на восточных окраинах функционировал пансион для лиц интеллектуального труда, возглавляемый М.И. Водовозовой, издательницей первых книг В.И. Ленина. Недалеко от этого пансиона на даче Энатской лечились студенты, а небольшой санаторий курировал врач Кореизской земской больницы, хорошо известной своими левыми пристрастиями Константин Михайлов. Можно представить, какие жаркие споры о революционном переустройстве мира велись в небольших комнатах лечебницы! Между пансионом Водовозовой и дачей Энатской в 1909 году останавливались на отдых мать и сестра Ленина. Таким образом, восточная часть Алушки вызвала опасения у полицейских чинов, хотя одну из дач Алушки считали даже собственностью всесильного И.А. Думбадзе. Поэтому революционные сходки совершались в лесном парке Ялрахлы, над Алушкой. Законопослушное население собиралось в Милютинском парке, там любили отмечать праздник Троицы.

Не забывали Алушку и цыгане. У Греческой слободки на большой поляне ставили табор. Местные девушки бежали сюда погадать на суженого, мужчины-цыгане подковывали лошадей. По ночам у костров пели песни и танцевали. Неспokoйный в прошлом характер места отразился в названии ручейка, огибающего поляну - Гежапта, что означает "цыганское безобразие". Представители многих народов жили и нашли свой последний приют в Алушке. Для того, чтобы почувствовать это, пройдите по старому заброшенному кладбищу, основанному еще по распоряжению М.С. Воронцова, и вы обнаружите надписи на французском, русском, английском, польском языках...

Объяснением интернационального состава как Крыма, так и частицы его, Алушки, может служить древняя притча, рожденная в этих краях и дошедшая до нас благодаря путешественнику, записавшему ее и опубликовавшему в начале нашего века. Когда-то очень давно Шайтан разгневал своими многочисленными злодеяниями небесные силы. Последней каплей оказалось его колдовство в Симеизе, превратившее в камень Деву, Монаха и Кошку. Посланный ангел приковал железными оковами Шайтана к скалам Ай-Петри. Гений зла, получивший, может быть, впервые возможность задуматься о своей жизни, раскаялся. Из глаз его выпали две слезы. Упавшие на металл, они прожгли его. Шайтан, освободившись от оков, бросился стремглав через горы прочь из Крыма. (1) Нет теперь здесь злых сил ...

Примечания:

1. Бугославский П.И. Южный берег Крыма. Очерк. – Чернигов, 1909. – С.21-26.

В статье использованы материалы бесед с Тер-Назаровой А.Т., Несеновой А.И., Рославлевой Н.Г., бывшими жительницами г. Алушки.